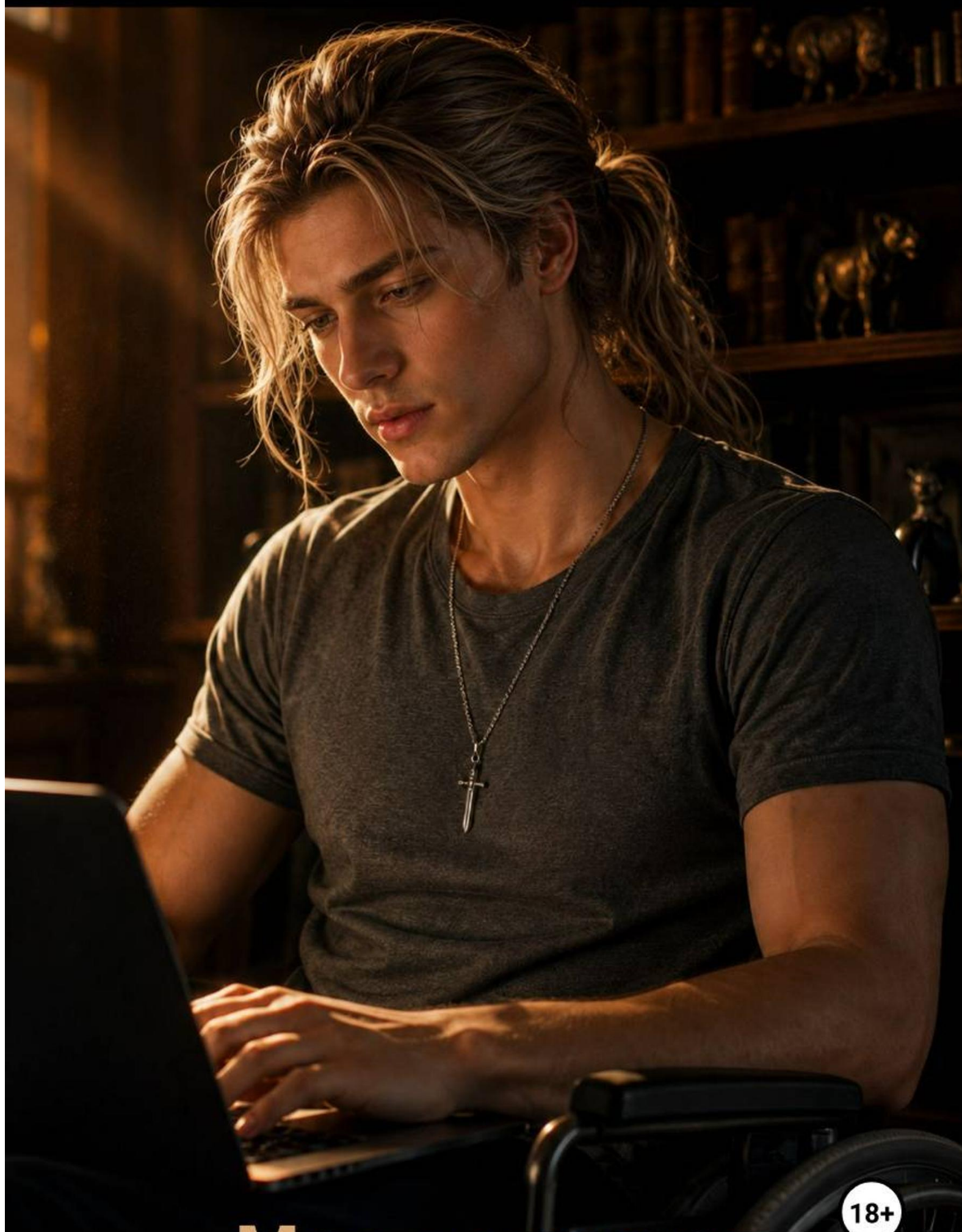

Ольга Головина

18+

Меч в ножнах

Ольга Головина

Меч в ножнах

«Автор»

2026

Головина О.

Меч в ножнах / О. Головина — «Автор», 2026

Павел Нотман не выходит из дома. Его тело давно отказало, но душа пишет книги, которые читает вся страна. Его последнее желание, Италия. После неё он планирует поставить точку. Маша Берестова живёт в мире, где всё измеряется деньгами. Она рисует миры, которых никто не видит, и читает книги Нотмана, как дыхание. Однажды она пишет ему отзыв и неожиданно получает ответ. Между ними начинается переписка, полная тепла и страха. Он боится, что она отвернётся, увидев его. Она не знает, что о его финальных планах. Италия. Милан, Венеция, Флоренция, вулкан Стромболи. Четыре недели, которые изменяют всё. Эта история не о том, как спасти тело. Она о том, как спасти душу. И о том, что иногда чудо приходит в самом неожиданном обличье. «Меч в ножнах» роман о любви, которой не должно было случиться.

© Головина О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава	11
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ольга Головина

Меч в ножнах

Глава 1

В шесть часов мартовским утром в загородном доме Берестовых было тихо. Это была та особенная тишина, которая рождается лишь в больших домах, где живут двое людей, давно привыкших друг к другу и уже не испытывающих необходимости заполнять каждую паузу словами.

Зима отступила быстро, словно потеряла интерес к происходящему, но весна ещё не пришла. Небо висело низко, тяжёлое, серое.

Алексей Викторович Берестов сидел в глубоком кресле спиной к окну. Он не любил ни март, ни ноябрь. Считал эти месяцы временем, лишённым жизни, когда природа будто переставала дышать. В такие дни он редко выходил в сад и почти не подходил к окнам. Хотя в другое время года каждое утро начинал с пробежки по тихим улицам коттеджного посёлка, а с первыми тёплыми днями неизменно завтракал и ужинал на террасе.

Камин негромко потрескивал. Берестов сам разжёл его, несмотря на то что в просторной гостиной не было холодно. Просто сегодня ему вдруг понадобился живой огонь. Или... возможно, что-то живое вообще.

В руках он держал несколько распечатанных листов. Результаты обследования пришли на электронную почту ранним утром. Его взгляд снова остановился на одной строке.

Диагноз. Панкреатическая аденокарцинома. IV стадия. Метастазы в печени и лёгких.

Он перечитал заключение трижды. Потом ещё раз. Ничего не изменилось. И внутри тоже ничего не дрогнуло.

В пятьдесят семь лет Берестов оставался человеком крепким и энергичным. Последние месяцы его беспокоила тупая, тянущая боль сначала где-то глубоко в животе, потом всё чаще отдававшая в спину, особенно когда он наклонялся. Но ничего серьёзнее гастрита или обычного расстройства желудка он даже не предполагал.

Он всегда следил за собой. Средиземноморская кухня, ничего жирного. Регулярные тренировки и в принципе подвижный образ жизни. Полный отказ от курения. Минимум алкоголя. Витамины, дорогие импортные БАДы, ежегодные обследования в своей частной клинике.

Берестов поднял взгляд на огонь и долго сидел неподвижно.

Седина густо прошла по тёмным волосам, но не сделала его мягче. Красивое, жёсткое лицо с короткой серебристой щетиной и глубокими морщинами, оставленными привычкой принимать решения, сегодня казалось осунувшимся.

Он никогда не паниковал, просто разучился это делать. За тридцать лет во главе холдинга «Империя Капитал», где работали больше пяти тысяч человек по всей стране, он усвоил простую истину: паника не помогает принимать решения. Она лишь мешает тем, кто отвечает не только за себя. А ещё считал, что паника – это слабость. А слабость он не позволял себе никогда. Даже сейчас. Даже когда чёрные буквы на белой бумаге складывались в слова, которые он не хотел читать.

Он построил свою компанию почти с нуля, плотно контролировал бизнес. Строил свою финансовую империю, скупая региональные банки и страховые компании, заходил в смежные сферы, а затем выводил бизнес на международные биржи. Он не просто управлял холдингом, а создавал структуру, крепкую, работающую и всегда играл в долгую, просчитывая каждый свой шаг. Любое решение принимал так, словно уже жил в будущем.

Бизнес для него никогда не был работой, скорее смыслом жизни и способом мыслить. Он не представлял себя вне бизнеса. Работа никогда не заканчивалась. Телефон звонил поздно ночью, совещания переносились на выходные, переговоры продолжались в аэропортах, машинах, ресторанах. Но его это не утомляло. Наоборот. Пока другие мечтали об отпуске, он испытывал почти физическое удовольствие от ощущения, что процессы протекают именно так, как он задумал.

Иногда ему казалось, что жизнь проходит где-то рядом. Он не мог с уверенностью сказать, когда именно выросла дочь. Хотя плохим отцом себя не считал. Он всегда знал, чем живёт Мария. Оплачивал её учёбу, спорт, поездки, поддерживал любые разумные увлечения. Никогда не устраивал допросов и не проверял счета. И прекрасно понимал: дочь никогда не станет выпрашивать деньги хитростью или играть на чувствах.

Когда-то он сказал ей:

– Если тебе нужны деньги, не ластись, как кошка. Не изображай любовь и преданность. Просто подойди и скажи, сколько тебе нужно и зачем. Я откажу только в одном случае – если ты соврёшь.

Марии тогда было лет четырнадцать. С тех пор этот разговор больше никогда не повторялся, не было необходимости. А вот про дни рождения Берестов не помнил никогда. Ни про свой, ни про дочь, жену, друзей. Практически любые праздники существовали для него только потому, что о них напоминала жена. Сам он праздники не любил. Они казались ему странной человеческой привычкой делать вид, будто календарная дата важнее любого другого дня. Да и подарки всегда ставили его в тупик. Их куда-то перераспределяла Оксана. Часто, он даже просто не распаковывал содержимое. Всё, что ему действительно было нужно, он давно мог купить сам. Впрочем...

Одно исключение всё-таки существовало.

На прикроватной тумбе уже много лет стоял маленький кривой дракончик, слепленный Машей из глины на каком-то детском мастер-классе. Размером со спичечный коробок. Нелепый. Перекошенный. Раскрашенный сразу во все цвета радуги. Это был точно подарок на его день рождения, только он не помнил, какой. Каждое утро Берестов молча тыкал дракончика пальцем в нос. Если тот не падал, день обещал быть удачным. Никто, кроме него, об этом ритуале не знал.

Алексей Викторович медленно опустил листы с анализами, и вдруг память ударила так резко, что он даже прикрыл глаза. Точно такие же листы, март три года назад, такой же чёртов диагноз. Только тогда в верхней строке стояло имя Оксаны. Он почти забыл тот день. Но сейчас увидел всё так отчётливо, будто это произошло несколько минут назад.

Жена вошла в кабинет. Молча положила перед ним результаты обследования, одной рукой закрывая рот. Она уже знала. Он тогда поднял глаза всего на несколько секунд.

– Ну, что?

Она ничего не ответила. Только кивнула на бумаги. Он быстро пробежал глазами заключение.

Рак.

И почти сразу подумал совсем не о смерти.

«Вылечат».

Именно это было его первой мыслью. Его ничего не встревожило тогда. Почему нет?

К тому времени холдингу уже принадлежала одна из лучших частных клиник страны. Её когда-то купили как перспективный актив, но со временем она стала одним из самых успешных медицинских проектов группы. Лучшие специалисты, современное оборудование, персональный врач для каждой семьи, обследования прямо на дому. А если потребуется поедет в Германию или Израиль.

Берестов был далёк от медицины. Он привык считать, что любой вопрос можно решить, если подобрать правильных специалистов и не экономить на результате. Возможно поэтому, а не из безразличия, тогда болезнь жены показалась ему не трагедией. Всего лишь ещё одной сложной задачей.

Алексей Викторович не был особенно близок с женой последние годы. Они жили рядом, в одном доме, спали в одной постели, но скорее по привычке, чем по внутренней необходимости. Оксана занималась домом, он бизнесом. Работа давно заняла всё пространство его жизни, вытеснив почти всё остальное. День был расписан по минутам, встречи сменяли друг друга, телефон не замолкал ни на час.

Жена никогда не жаловалась. Во всяком случае, вслух. Он замечал, как она постепенно бледнела, худела, всё реже улыбалась. Замечал... и всякий раз откладывал разговор на потом. Казалось, сначала нужно закончить сделку, провести совет директоров, подписать документы. Потом обязательно найдётся время. Не находилось.

Когда диагноз подтвердился, Берестов взял ситуацию под полный контроль. Он лично участвовал в медицинских консилиумах, разговаривал с врачами, принимал решения о лечении, искал лучших специалистов. Уже через месяц понял: всё идёт не так. Улучшения не было. Болезнь развивалась стремительно. Поездка в Германию тоже ничего не изменила. Немецкие врачи лишь подтвердили то, что осторожно говорили российские коллеги.

Оксана вернулась домой совсем другой. Стала тихой, почти незаметной. Потом перебралась из их спальни в гостевую. Потом перестала вставать. А потом были похороны.

Алексей Викторович посмотрел на свои руки. Те самые руки, которые подписывали многомиллиардные сделки, покупали банки, создавали холдинг, ломали чужие планы и выстраивали собственные. И этими же руками он потом держал холодные пальцы жены. Странно, но тогда он почти ничего не чувствовал, кроме глухой досады. Не боли. Не отчаяния. Именно досады. Как так получилось? Как вообще такое могло случиться с их уровнем жизни, их возможностями, их деньгами? Он слишком долго жил с убеждением, что любую проблему можно решить, если заплатить достаточно дорого.

Дом опустел. Теперь здесь жили только он и Маша. Берестов положил бумаги на столик и машинально сжал пальцы.

«Война за жизнь началась. Или... скорее, за её продолжительность».

Он не знал, возможна ли победа, но отступать не умел никогда. За окном стало заметно светлее и вдруг пришла простая мысль, почти бытовая, но почему-то ударившая сильнее самого диагноза.

«Скоро весна окончательно вступит в свои права. Потом будет лето. Потом осень. Потом снова зима. Всё повторится, как повторялось всегда. Только в какой-то момент его уже не будет».

Впервые за всё утро он по-настоящему подумал о дочери. О том, что с ней станет, когда она останется одна.

Маше недавно исполнилось двадцать три. Год назад она окончила МГИМО, международные отношения, выбор, который когда-то сделал за неё он. Берестов был убеждён, что дочь должна получить серьёзное образование, открывающее широкие возможности. Сам он в прошлом успел побывать в кресле министра, сохранил множество связей и без особого труда мог устроить её в посольство, министерство или любую крупную государственную структуру.

Но после окончания института Маша неожиданно заявила, что всё это ей неинтересно. Она увлеклась компьютерным дизайном и на все вопросы родителей неизменно отвечала, что хочет «понять мир», а не «работать в системе», потому что ещё не нашла себя.

Берестов всегда болезненно относился к подобным поворотам. Он резко высказался, назвав поведение дочери безответственным и инфантильным.

Его вообще раздражало всё, что казалось поверхностным. Бесконечные рилсы в телефоне, разговоры ни о чём, ночные клубы, споры ради самих споров. В какой-то момент он поймал себя на неприятной мысли, что Маша выросла красивой, доброй... но совершенно несерьёзной. Сначала он связывал с дочерью большие надежды, потом постепенно отказался от них. Это расстраивало.

Впрочем, он тут же одёрнул себя. У многих знакомых дети оказались куда хуже. Одни спивались, другие подсаживались на наркотики, третьи бездумно прожигали родительские деньги. Маша хотя бы окончила университет, никогда не выпрашивала лишнего и не попадала в скандальные истории.

И всё же с возрастом Берестов всё чаще ловил себя на мысли, что ему не хватает сына. Наследника. Человека, которому однажды можно будет передать дело всей своей жизни.

Алексей Викторович впервые за утро глубоко вдохнул.

«И внуков я тоже, пожалуй, не увижу... Не успею».

Он не мог бы сказать, что Машка пустоголовая или отличается особенно сложным характером. Упрямая, да. Знания в её голове были. Берестов только не понимал, какого колёсика не хватает в этом механизме, чтобы он наконец заработал, а не просто красиво поблёскивал.

Впрочем, договариваться ему с дочерью было несложно. Берестов знал, что она привязана к нему. И очень хотелось верить, что эта привязанность объяснялась не только тем, что он полностью обеспечивал её жизнь.

Маша любила путешествия, как и он. Сначала они ездили всей семьёй, а после смерти Оксаны путешествовали уже вдвоём. За несколько лет объехали почти всю Европу, не раз были в Южной и Северной Америке. Для Маши эти поездки были важны ещё и потому, что она искренне интересовалась другими странами, людьми, культурой. Она умела замечать то, мимо чего он проходил, и иногда Берестов ловил себя на мысли, что начинает смотреть на мир её глазами.

А вот то, что дочь совершенно не интересовалась его империей, тревожило всерьёз. Для неё всё это было чужим, холодным, почти бездушным миром цифр, переговоров и бесконечной борьбы за влияние. Она не хотела в него входить. И как изменить это, Берестов не понимал.

Он перевёл взгляд на несколько распечаток, лежавших на журнальном столике. Машины рисунки к любимым книгам, написанным в жанре фэнтези. Она увлеклась ими несколько лет назад и постепенно затянула его. Сначала он только отмахивался.

– Сказки для взрослых, Маша. Несерьёзно.

Она тогда рассмеялась.

– Пап, ты не понимаешь. Ты живёшь в постоянном напряжении. Твои решения стоят миллионы, ошибки измеряются какими-то невероятными цифрами. Риски, юридические ловушки, чужие амбиции...

– Оказывается, ты неплохо представляешь, чем я занимаюсь.

– Поэтому и говорю. Позволь себе хоть иногда роскошь оказаться там, где не всё можно просчитать. Хорошее фэнтези говорит о власти честнее многих книг по управлению. Там власть – это не деньги и не связи. Это всегда ответственность. Иногда одиночество. Иногда выбор, который невозможно сделать правильно.

Берестов тогда усмехнулся.

– Мне бы хотелось, чтобы было наоборот. Не я уходил в мир фантазий, а ты, наконец, пришла в мир реальности.

Но однажды, когда они ехали по Италии и он, устав после долгой дороги, почти засыпал за рулём, Маша без спроса включила аудиокнигу своего любимого автора Павла Нотмана.

И неожиданно Берестов заслушался. Его удивило всё. Лёгкий язык, тонкий юмор, внимание к деталям, мысли, которые возникали словно между строк, и сюжет, постоянно уходивший туда, куда он совершенно не ожидал.

Потом он купил ещё одну книгу Нотмана и ещё. В итоге, перечитал всё. Правда, как и в бизнесе, быстро понял, что настоящих мастеров немного. Один-два автора. Остальные чаще всего лишь повторяли удачные находки друг друга. Такие книги Алексей Викторович откладывал после первой главы, а иногда и после первых страниц.

Почему он вспоминал об этом именно сейчас? Наверное, пытался хоть ненадолго уйти мыслями от того, что лежало перед ним на журнальном столике. В затылке появилась тупая тяжесть. Берестов машинально потёр шею ладонью, взял один из Машиных рисунков и долго рассматривал его. Она действительно хорошо рисовала. Очень хорошо. Иллюстрацию хотелось изучать, возвращаться к ней взглядом, замечая всё новые детали. Но... Не сегодня. Сегодня нужно было дожидаться начала рабочего дня и начать действовать.

Маша ещё спала. Рассказывать ей о болезни он не планировал. Алексей Викторович Берестов медленно сложил листы в синий пластиковый файл и аккуратно застегнул его. Он не собирался проигрывать. Просто впервые за пятьдесят семь лет не понимал правил игры. Противник оказался невидим. Его нельзя было купить, запугать, перестроить под себя, заставить играть по своим правилам.

«Я готов».

Мысль прозвучала неожиданно спокойно и почти сразу вслед за ней появилась другая.

Глава

«Но не знаю как».

Глава 2

Они прощались у выхода из фитнес-клуба, стоя в огромном стеклянном холле.

– Я не понял, так ты пойдёшь сегодня на ночные гонки после клуба?

– Не хотела. Ты же знаешь, я скорость не люблю. И потом... после клуба? Под алкоголем? Ты вообще представляешь, что говоришь?

– Так это самый кайф! Удержать машину.

– Нет. Я точно не поеду. И очень прошу тебя – не участвуй. Ты ведь не хочешь провести жизнь прикованным к постели?

– Сплюнь.

– Даже если бы так случилось, жизнь бы не закончилась. Но лучше всё-таки остановиться раньше.

– Так! Только тоску не наводи. Тогда Светку возьму. Мне нужен драйвовый штурман.

– Бери кого хочешь. Но это странно, тебе не кажется? Я твоя девушка, а ты спокойно говоришь, что поедешь ночью с другой.

– Так ты же сама не хочешь. Ревнуешь? – Сергей обхватил её за талию и крепко прижал к себе. – Не дуйся. Просто мне всегда хочется, чтобы было громче. Ты слишком правильная.

– Пусти. Мне неприятно.

– Да где?

Она попыталась отвернуться, но он ловил её лицо своим, не давая уклониться.

– Пусти, я сказала.

– А что будет, если не пушу? – прищурился Сергей и резко просунул ладонь под ремень её джинсов, ещё сильнее притягивая к себе.

Она чувствовала его горячее дыхание, слышала частое биение сердца. Обычно подобная настойчивость даже нравилась ей. Но сегодня всё было иначе. В какой-то момент Маша вдруг подумала, что Сергей опять пытается доказать самому себе, будто ничего не боится. Ни скорости. Ни риска. Ни чужого отказа. Будто вся его жизнь зависела от этого бесконечного ощущения адреналина.

Она подняла глаза и посмотрела на него прямо. Не отводя взгляда. Она умела. Так делал отец, когда был недоволен. Секунда. Другая. И хватка ослабла, Сергей разжал руки.

– Нет, значит нет, – сказал он, разводя ладони в стороны. – Тогда на сегодня всё. Но ты меня разозлила. Знай это.

– Чем же?

– Своим поведением.

Мария схватила телефон и набрала его номер. Длинные гудки. Никто не отвечал. Сердце неприятно сжалось. Перед глазами мгновенно вспыхнула вчерашняя сцена, разговор о гонках, бокал вина, ночная трасса. Наконец в трубке послышался сонный голос.

– Что?

– Ты жив... Слава Богу.

– Слушай, на хер в такую рань звонить? Я только спать лёг.

Мария вспыхнула от злости.

– Идиот! Я беспокоилась.

– Не смей со мной так разговаривать.

– Да я, пожалуй, вообще никак с тобой разговаривать не буду, – тихо ответила Мария и отключила телефон.

Она отключила телефон и уставилась в потолок. На глаза навернулись слёзы от обиды. Маша знала, что не успокоится сразу. Будет ещё долго прокручивать разговор, вспоминая каждую реплику, каждую интонацию и каждый свой ответ, придумывая десятки других, более точных.

Нужно было переключиться.

Она зашла в душ, потом надела свою счастливую лавандовую футболку. Именно мама когда-то сказала, что этот цвет ей особенно к лицу. Натянула белые шорты и снова забралась в постель.

«Если человек совершает идиотские поступки, то он кто?» – упрямо продолжал внутренний голос. – *Идиот. Кстати...*»

Маша быстро открыла словарь.

«Может быть, я вообще неправильно понимаю это слово?»

Через несколько секунд она удовлетворённо кивнула.

«Нет. Всё правильно. Глупый. Потому что умный человек такие поступки не совершает».

Она усмехнулась. Спорить с собой было бесполезно.

Друзья считали её душой компании. Она легко смеялась, умела поддержать разговор, быстро знакомилась с людьми. Но никто из них не знал, что уже через час ей начинало отчаянно хотеться домой. Не потому, что люди были плохими. Просто ей становилось тесно среди постоянных голосов, музыки, смеха. Она выходила на балкон, смотрела сверху на город и думала только об одном:

«Сколько ещё?»

Потом возвращалась обратно, снова улыбалась, снова шутила и никто ничего не замечал. Зато дома она могла просто молча сидеть у окна с чашкой кофе, смотреть, как медленно меняется свет за стеклом, и чувствовать, что внутри постепенно становится спокойно.

Она открыла ЛитРес, привычно перешла на страницу Павла Нотмана и буквально замерла.

Новая книга. Две главы в черновиках. От недавнего разговора с Сергеем не осталось почти ничего. Настроение по её внутренней шкале мгновенно подпрыгнуло с двух баллов до десяти.

– Пап! – вырвалось у неё. – Пап! Ты дома?

Она высунулась из комнаты.

– Пап?!

– Уже почти нет.

Маша выбежала в холл как раз в тот момент, когда отец надевал кашемировое пальто. Она обняла его, быстро поцеловала в щёку. Он пах так же, как всегда. Свежесваренным кофе и своим любимым одеколоном с древесно-пряными нотками. Этот запах был её детством.

– Нотман начал новую книгу! Две главы уже выложил!

Отец улыбнулся. Коротко, почти незаметно, но совершенно искренне.

– Значит, вечером обменяемся впечатлениями. Всё, я ушёл. Буду не раньше восьми. У меня сегодня...

Он осёкся. На секунду вспомнил о дополнительных обследованиях, которые сам назначил себе этим утром.

– Что?

– Да ничего. Работы много.

– Ты даже не поинтересовался, как я, – сказала Маша, смешно надув губы.

Она, конечно, шутила. Берестов посмотрел на неё с едва заметной улыбкой.

– Так ты сама уже всё рассказала. Ты счастлива. У тебя Нотман.

Маша рассмеялась.

– Всё, иди уже. Я сегодня дома на удалёнке эскизы делаю. Вечером жду.

Маша любила отца. Хотя в детстве немного его побаивалась. Она часто стояла в дверях кабинета и наблюдала, как он работает. Ей почему-то казалось, что любой неосторожный звук заставит его поднять глаза и строго посмотреть на неё. Она боялась именно этого взгляда.

Но чем старше становилась, тем интереснее ей было разговаривать с ним. Отец казался непоколебимым. Надёжным, как скала. Человеком, который знает ответы почти на все вопросы. Решений своих он почти никогда не менял, но всегда внимательно выслушивал чужие доводы и, что особенно поражало Машу, почти мгновенно видел несколько вариантов развития событий. Она часто специально приходила к нему со своими мыслями, даже не за советом, а чтобы проверить их на прочность. После разговора с отцом собственные идеи словно очищались от всего лишнего.

Путешествовать с ним она любила особенно.

В поездках отец удивительным образом менялся. Исчезала привычная жёсткость, оставалась только дисциплина. Он с одинаковым интересом мог рассматривать древнюю мостовую, устройство старого маяка или меню в маленькой семейной трактирии, если замечал в нём что-то необычное.

Именно от него Маша переняла простое правило: если встретилось что-то интересное, не ограничивайся услышанным, докопайся до сути. Неважно, идёт ли речь об истории пиццы «Маргарита», древнеримских дорогах или устройстве средневековых крепостей.

Особенно ярко ей запомнился один день в Париже. Они несколько часов бродили по Лувру. К тому моменту Маша устала настолько, что перестала различать картины. Они сливались в одно огромное полотно.

Отец вдруг сказал:

– Пойдём.

Она сразу расстроилась. До залов Наполеона они так и не дошли, а именно их она больше всего хотела увидеть. Но спорить не стала. Они вышли на улицу, и Маша решила, что экскурсия закончилась. Однако вместо машины отец неожиданно свернул в маленькое кафе напротив музея. Когда перед ними поставили кофе и горячие круассаны, он спокойно сказал:

– Любая информация перестает усваиваться часа через три. Всё остальное человек просто перестает замечать. Не переживай. Мы ещё не закончили, – и подмигнул.

После смерти мамы ей было очень плохо. Она закрывалась у себя в комнате, забираясь с ногами на кровать и плакала без конца. Пересматривала фотографии, почти все мамины вещи постепенно перекочевали к ней в шкаф. Иногда она просто перебирала их, не понимая, зачем это делает. Ей казалось, что пока вещи рядом, мама ещё немного остаётся дома.

Дом действительно изменился. Из него словно исчезло что-то невидимое, отчего даже привычная тишина стала другой. В последние дни мама почти не разговаривала. Маша каждый вечер садилась рядом, брала её за руку и часами читала вслух любимые романы. Даже когда мама засыпала, она продолжала читать. Уйти раньше просто не могла.

Отец, казалось, пережил смерть мамы совсем иначе. Она ни разу не видела, чтобы он плакал. Не слышала, чтобы жаловался. Он словно стал ещё собраннее и спокойнее. И только теперь, спустя три года, Маша иногда думала, что, возможно, именно так он и горевал. По-своему.

Она знала, что отец до сих пор не может смириться с её отношением к своему бизнесу и считает, что годы, проведённые в институте, она почти перечеркнула собственными руками, но ничего не могла с собой поделать.

Всё, что было связано с дипломатией, чиновниками, переговорами, должностями, казалось ей чужой жизнью. Словно она должна была прожить её вместо кого-то другого. И только когда начала изучать компьютерный дизайн неожиданно почувствовала то самое состояние, которое люди называют вдохновением.

Ей нравилось придумывать миры, которых никто никогда не видел. Создавать кнопки, которые хочется нажимать. Шрифты, которые хочется читать. Иконки, попадающие точно в цель. Она называла это «архитектурой в воздухе».

Нравилось и другое. Результат появлялся почти сразу. Придумала и через час уже можно посмотреть, получилось или нет. Если не получилось, переделать. Не откладывая. Не уговаривая себя, что завтра выйдет лучше. Дизайн не позволял скучать. Каждая новая задача была похожа на головоломку, которую обязательно хотелось решить.

Она не умела писать так, чтобы люди плакали над её текстами. Зато умела говорить с ними языком цвета, света и формы. И была уверена, что этот язык понимают даже те, кто никогда не сможет объяснить, почему один сайт хочется листать бесконечно, а другой закрывается через пять секунд. Героев книг она никогда не начинала рисовать с лиц. Сначала рождалось пространство, потом свет, потом появлялись руки. После движение тела. И только в самом конце лицо.

Ей казалось, что человек становится похожим на себя задолго до того, как можно рассмотреть его глаза. Да и в жизни она почему-то всегда сначала смотрела именно на руки. На то, как человек держит чашку, как здоровается, жестикулирует. Как замирает, когда волнуется, сжимает пальцы, когда сердится. Руки почти никогда не умели притворяться.

Маша сварила кофе и с удовольствием вдохнула аромат. Мама всегда говорила, что хороший кофе должен пахнуть раньше, чем появится вкус. Проходя мимо спальни отца, она привычно заглянула внутрь. Кровать уже была аккуратно застелена. На тумбе, чуть набекрень, стоял смешной разноцветный дракончик, которого она когда-то слепила из глины. Маша улыбнулась. Осторожно поставила фигурку ровнее и смахнула с неё невидимую пылинку.

Она никогда не понимала, почему отец, человек, не терпящий ничего лишнего, столько лет хранит этого кривого дракона рядом с кроватью, но почему-то ей было приятно, что хранит.

Вернувшись к себе, Маша открыла ноутбук и сразу зашла на страницу новой книги Павла Нотмана.

«Боже... сколько уже комментариев! Когда они успели всё прочитать? Он же выложил главы всего пару часов назад...»

Она тут же прокрутила страницу вниз, стараясь не зацепиться взглядом за чужие отзывы. Спойлеры она ненавидела. О книгах Нотмана ей хотелось составлять собственное мнение. Она обожала его миры и героев. Сначала рисовала их, потом появились ключевые сцены и, наконец, полноценные иллюстрации.

Однажды кто-то из друзей сказал, что автор наверняка был бы в восторге от её работ. С тех пор мысль отправить рисунки самому Нотману не отпускала её. Не ради денег и даже не ради подписи под иллюстрациями. Ей просто хотелось, чтобы именно эти истории выглядели так, как она их чувствовала.

После разговоров с отцом она нередко возвращалась к уже готовым рисункам и замечала детали, которых раньше не видела сама. Иногда достаточно было одного его вопроса, чтобы вся сцена приобретала совершенно другую глубину.

Она регулярно оставляла Нотману отзывы. Под каждой новой книгой. Иногда длинные, иногда совсем короткие. Отзывы появлялись сотнями, а потом тысячами. Было совершенно очевидно, что прочитать их все невозможно. И всё же автор каким-то невероятным образом успевал ответить нескольким десяткам читателей. Иногда одним словом. Иногда всего одной фразой. Маша никогда не попадала в это число и всё равно писала снова.

Она почему-то была уверена, что человеку, который умеет так чувствовать своих героев, важно знать, что они живут дальше уже в чужих сердцах. Самого Павла Нотмана она представляла человеком намного старше себя. Наверное, примерно ровесником отца. С классическим университетским образованием, огромной библиотекой, безупречным литературным вкусом и тем самым редким умением мыслить глубоко, не перескакивая с одной мысли на другую каж-

дые несколько секунд. Скорее всего, у него было не одно образование и уж точно невероятная дисциплина.

Но в интернете о Нотмане не было почти ничего. Ни фотографий. Ни интервью. Ни биографии. Даже имя вполне могло оказаться литературным псевдонимом. Однажды они обсуждали это с отцом.

– Это вообще может быть не один человек, – сказал тогда Берестов. – Есть же гипотеза, что под именем Шекспира писала целая группа авторов.

– Правда? Я даже не знала. А почему появилась такая версия?

– Уже не помню всех аргументов. Но один из главных происхождения Шекспира. Он был из простой семьи и не мог получить такое всестороннее образование. Считается, что человек без серьёзных знаний вряд ли мог настолько свободно разбираться в истории, медицине, ботанике, иностранных языках, придворной жизни. Отсюда и появились сомнения.

Через полчаса Маша медленно оторвала взгляд от ноутбука и ещё несколько секунд просто сидела молча. Новый роман обещал быть потрясающим. В груди приятно дрожало то самое чувство, которое возникало только после действительно хороших книг. Она открыла страницу комментариев. Пальцы замерли над клавиатурой.

«Опять?»

Она уже столько раз писала ему и каждый раз понимала, что её слова почти наверняка утонут среди сотен других.

«Ну и пусть».

Мысль вдруг стала удивительно простой. Если человек подарил тебе несколько часов настоящего счастья, почему он не должен узнать об этом? Она улыбнулась и начала писать, не подбирая слов и не исправляя предложения. Благодарность будто сама складывалась в строки. Потом открыла электронную папку со своими иллюстрациями. Несколько секунд смотрела на вложенные файлы. Закрыла. Снова открыла. В конце комментария всё-таки написала:

«Если вам когда-нибудь будет интересно посмотреть мои иллюстрации к вашим книгам, вот моя электронная почта...»

Она перечитала написанное и поморщилась. Чуть не стёрла последние две строки.

«Глупо же...»

Но всё-таки нажала кнопку «Отправить». И сразу почувствовала себя неловко. Будто только что постучалась в дверь человека, который даже не знает о её существовании.

– Ладно... – тихо сказала она самой себе. – Теперь точно всё.

Надежды на ответ почти не было. Закрыв страницу ЛитРес, Маша подхватила ноутбук и пересела за рабочий стол. В личном кабинете её уже ждал новый заказ.

Фармацевтическая компания прислала техническое задание на большой проект.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.